

МУРАДЯН Ірина Володимирівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; e-mail: muradayn@ukr.net; тел.: +38 (0482) 644449; моб.: +38 095 5148345

ОСОБЛИВОСТІ АНТРОПОНІМНОГО ПРОСТОРУ РОМАНУ В. В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»

Анотація. Статтю присвячено дослідженню способів організації антропонічного простору роману В. В. Набокова «Защита Лужина». Автор звертає увагу на незвичайність ономастичного простору цього твору Набокова в порівнянні з іншими романами письменника. Головною особливістю є домінування прізвища «Лузин», за допомогою якого формуються інші номінації головних героїв у суворій ієрархії, як у шаховій партії навколо короля. Важливість номінації «Лузин» посилюється винесенням її в назву твору. Вона використовується в незмінному вигляді в офіційних і неофіційних ситуаціях спілкування; як у мовленні автора, так і в мовленні персонажів. Дитяче ім'я з дошахового часу і ім'я-по батькові героя В. В. Набоков залишає за межами антропонічного простору роману.

У побудові антропонічного простору твору відсутності антропонічної номінації у головних героїв протистоїть насиченість власних імен у другорядних і лише згадуваних персонажів. Автор зазначає, що В. В. Набоков вмів використовувати семантизацію і звукопис при створенні вигаданих прізвищ.

Ключові слова: ономастика, антропонім, антропонічний простір, номінація, художній текст, В. Набоков.

Irena V. MURADYAN,

Ph.D in Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: muradayn@ukr.net; tel.: +38 (0482) 644449; cell.: +38 095 5148345

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE ANTHROPONYMICAL SPACE IN THE NOVEL «LUZHIN DEFENCE» («ZASHCHITA LUZHINA») BY V. V. NABOKOV

Summary. The article investigates the ways of organizing anthroponymical space novel in V. V. Nabokov's «Luzhin Defence». The author draws attention to the unusual onomastic space of this work compared to other novels by the writer. The main feature here is the predominance of the surname «Luzhin» within the text boundaries which influences other main characters' nomination in a strict hierarchy like in a chess game around the king. The importance of the nomination «Luzhin» is underlined by making it the title of the novel. The nomination «Luzhin» remains unchanged, both in formal and informal communication situations; in the author's, and in the characters' speech. V. Nabokov leaves out the protagonist's childhood name and his patronymic in the anthroponymical space of the novel.

The absence of the main characters' anthroponymical nomination in the anthroponymical space of the novel is opposed by the abundance of the supporting personages' personal names. The author notices V. Nabokov's skillful use of semantisation and transcriptive sound-painting in creating fictional names.

Key words: onomastics, anthroponymy, anthroponymical space, nomination, fiction, V. Nabokov.

Статтю отримано 11.11.2015 р.

УДК 811.161.1'36'38

СКОРОБОГАТОВА Елена Александровна,

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры славистики Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды; ул. Артёма, 29, г. Харьков, 61002, Украина; e-mail: skorobogatova.elena@gmail.com; тел.: +38 050 9027291

ГРАММАТИЧЕСКИЙ МАРКЕР АЛЛЮЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛОВ АХМАТОВОЙ «СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕГИИ» И БЫКОВА «НОВЫЕ БАЛЛАДЫ»)

Аннотация. Цель статьи — исследование грамматической основы аллюзии, объединяющей цикл Дмитрия Быкова «Новые баллады» с циклом Анны Ахматовой «Северные элегии». **Объект** исследования — субстантиваты, использованные в названиях стихотворений циклов и в их тексте, **предмет** — поэтические смыслы, возникшие в результате формирования ключевой грамматической формы и указывающие на интертекстуальные связи. Используются **методы** лингвопоэтического, функционально-грамматического и

интерпретационного анализа. **Результат** исследования — выделение ключевой морфолого-синтаксической формы, которой является субстантиват. Описаны значения, которые приобретают субстантиваты в поэтическом контексте, их взаимодействие внутри текста и на межтекстовом пространстве одного автора, а также интертекстуальный потенциал грамматически маркированной единицы, занимающей сильную позицию названия стихотворения. Материалы работы могут быть использованы в исследовании лингвистических основ интертекстуальности, теории функциональной грамматики. **Практическое применение** результатов исследования возможно при решении задачи составления поэтической грамматики русского языка, в практике преподавания лингвистического анализа текста, в спецкурсах, посвящённых проблемам интертекстуальности и поэтической грамматики.

Ключевые слова: субстантиват, интертекстуальность, поэтическая грамматика, ключевая грамматическая форма.

Постановка проблемы. Факты поэтической грамматики многие исследователи-стиховеды предлагают изучать в русле поэтической эвристики, обращаясь к ним как примерам подсознательного авторского отбора. Действительно, грамматическая селекция во многих случаях неосознанна, даже поэтическая традиция морфологического отбора, связанная с повторяющимися поэтическими мотивами ([7]), скорее ощущается авторами, чем осознаётся.

Однако существует ряд исключений — литературно-художественных явлений, связанных с намеренным обнажением приема грамматической актуализации, подчеркиванием его. Художественное осмысление языкового потенциала грамматических единиц выходит в область поэтики, определяя характер поэтического представления внеязыковой действительности.

Поэзия конца XX — начала XXI века филологична. И это связано не только и не столько с тем, что многие современные поэты имеют филологическое образование, сколько с тем, что одной из задач лирики стихотворцы считают задачу осмысления феномена человеческого языка. Здесь поэтическая мысль совершает виток, возвращаясь на новом художественном пространстве к идеям поэтов, чей творческий путь начинался в начале XX века.

Поэты старшего поколения хорошо знали литературоведческие работы Андрея Белого, писавшего о прорастании формы содержанием у Гоголя, слушали и читали статьи формалистов, были свидетелями гумилёвских «классов» поэтов. Внешний отказ от традиции восприятия формы как содержания не привел к забвению мысли, практика поэтического творчества вновь и вновь свидетельствует в пользу художественной рефлексии, в пользу формального поиска в творческой лаборатории поэта как сущности поэтического делания.

Анализ последних исследований и публикаций. Если в середине XX века литературоведы скромно говорили о единстве формы и содержания, то поэты утверждали достаточно определенно: «Содержание не определяет форму — содержание и форма есть одно и то же» [6, с. 737].

Ориентируясь на образцы поэтической рефлексии начала XX века, поэты века нынешнего всё чаще и чаще обращаются к художественному осмыслению фактов языка и анализу поэтического потенциала языковой системы, её возможностей передавать то или иное художественное содержание.

Многочисленные примеры художественного осмысления языковых фактов встречаем у Виктора Сосноры, Александра Кушнера, Бахыта Кенжеева, Ольги Седаковой, Алексея Цветкова, Тимура Шаова, Бориса Херсонского.

Однако систематическое обращение к грамматическому потенциалу русской языковой системы остается достаточно редким явлением, тем интереснее его проявления в творчестве отдельных поэтов. Некоторые закономерности отмечены в ряде наших работ и в работе О. Н. Голиковой.

Изложение основного материала. Цель данной статьи — исследование грамматической основы аллюзии, объединяющей цикл Дмитрия Быкова «Новые баллады» с циклом Анны Ахматовой «Северные элегии».

Ахматова — поэт сдержанной формы, она продолжает пушкинскую традицию гармоничной «соразмерности и сообразности» применения поэтических приёмов, которые редко подчеркнуты, обычно приём остаётся «в тени», выполняя скромную роль «оформления» поэтического смысла. Тем ярче немногочисленные случаи «обнажения» приёма, подчеркнутой, выделенной языковой селекции.

В поэзии Ахматовой 40 – 60 годов наблюдается использование субстантиватов, которое приобретает характер художественного отбора. Рассмотрим стихотворения цикла «Северные элегии», имеющие субстантиваты-названия: «Первая», «Вторая», «Третья», «Четвёртая», «Пятая», «Шестая», «Седьмая». Названия заявляют и подчеркивают числовую символику, символику числа семь, о которой Роман Мных говорит, что эта символика «возможно, самая тенденциозная в творчестве Анны Ахматовой, представленная в образе семисвечника, в цикле из семи *Северных элегий*» [5]. Эта символика не имплицитна, а выделена именами-названиями элегий; лексическое и грамматическое значения слов-наименований художественно значимы.

Субстантиват (использованное в функции существительного слово, исходно относящееся к другой части речи) является одной из экспрессивно отмеченных морфолого-синтаксических единиц. Его грамматическая природа, совмещающая черты грамматических форм (исходной и

существительного), потенциально многозначна, актуализация тех или иных морфологических значений происходит в тексте и зависит от авторской интенции. «Сгущение» субстантиватов в тексте гораздо ярче, легче ощущается читателем, нежели «сгущение» других граммем, что связано с нарушением привычного для носителя языка морфолого-синтаксического баланса грамматической единицы.

В «Первой» элегии наряду с узуальными субстантиватами-онимами *Гороховая, Смольный, Литейный (Пятиэтажные растут громады / В Гороховой, у Знаменья, под Смольным; Темнеет жесткий и прямой Литейный)* использован субстантиват-оним *Оптина (А в Оптиной мне больше не бывать...)*. Оптина пустынь, хорошо известная предреволюционному читателю, в сороковых годах XX века, когда написана элегия (1940 г., 1943 г.), в официальном культурном и литературоведческом дискурсе упоминается лишь как оним-историзм, субстантиват в элегии становится знаком *sapienti sat*, он указывает на «важнейший для понимания цикла пласт реминисценций» [4], связанный с именем Достоевского, которое названо уже в первом стихе: *Россия Достоевского. Луна ...* Оним *Достоевский*, являющийся языковым субстантиватом, поддерживает грамматическую субстантивную форму названия *Первая*.

В «Пятой» элегии соположены прилагательное и субстантиват-транспозит: *Мне подменили жизнь. В другое русло, / Мимо другого потекла она...* Этот приём соположения подчёркивает не только корневое значение граммем, но и выделяет грамматическое. Корневой повтор выделяет внутреннюю форму лексемы *другой* [3, т. 1, с. 495]. Эта лексема связана также со словом *другой* в тексте «Нет, это не я, это кто-то другой страдает...», который исследователи считают примыкающим к циклу: *Нет, это не я, это кто-то другой страдает. / Я бы так не могла...* (См.: [4]).

В «Шестой» элегии представлен ряд абстрактных субстантиватов: *И вот когда горчайшее приходит: / Мы сознаем, что не могли б вместить / То прошлое в границы нашей жизни...*, и далее: *А те, с кем нам разлуку Бог послал, / Прекрасно обошлись без нас — и даже / Всё к лучшему...* Если граммема *прошлое* — языковой субстантиват, имеющий константное словарное значение, *всё к лучшему* — грамматический фразеологизм, то *горчайшее* в абстрактно-субстантивном значении является авторским образованием, выразительность которого опирается на книжность синтетической превосходной формы исходного прилагательного, синтаксическую окказиональность единицы и её коннотативное значение.

Авторский грамматический отбор и выделение субстантиватов как экспрессивных единиц совмещён в цикле с традиционным формообразованием.

Вынесение субстантиватов в сильную стиховую позицию названия стихотворения, а также определённое семантическое опустошение лексем *Первая, Седьмая...* в этой позиции выполняет важную художественную задачу. Ирина Кравцова так характеризует поэтический нарратив элегий: «Прошлое не переживается вновь, а, объективированное отчуждением, переосмысливается в свете позднейшего духовного опыта» [4]. То, что элегии имеют лишь «порядковые» имена, объединяет их, подчёркивая внутреннее единство и указывая направление движения поэтической мысли.

В <«Шестой»> элегии цикла встречаем указание на временной план заданной последовательности: *Есть три эпохи у воспоминаний. / И первая — как бы вчерашний день.* «Первая эпоха воспоминаний в этом контексте, о которой повествует лирическая героиня, — это эпоха молодости Анны Ахматовой, время первой любви и первого поцелуя» [5, с. 307], — пишет Роман Мных. Субстантиват в этом стихотворении несёт иное контекстуальное значение, нежели название «Первая» первой элегии, которая имеет подзаголовок *Предыстория*. Субстантиват *первая*, называющий в шестой элегии эпоху, — эллиптический (контекстуальный) субстантиват, референтное значение которого не домысливается читателем, а восстанавливается по контексту.

Принцип дополнительности, связующий стихотворения цикла [5, с. 307], выступает текстообразующим не только на тематическом уровне, но и на уровне грамматического отбора: все субстантиваты цикла, актуализированные благодаря сквозному именованию «Первая» — «Седьмая», стоящему в позиции названия, составляют единый лексико-грамматический блок, значимый для повышения неопределённости текста, зашифрованного для «чужих» и понятного читателю-единомышленнику.

Прежде чем перейти к рассмотрению цикла стихотворений Дмитрия Быкова, имеющих сопадающие названия и написанных через полвека, отметим, что цикл «Северные элегии», который в современном представлении ахматоведов состоит из 7 стихотворений, в сборнике Анны Ахматовой «Стихотворения и поэмы» в Большой серии Библиотеки поэта [1] представлен четырьмя текстами: «Первая» («Россия Достоевского. Луна ...»), «Вторая» («Так вот он — тот осенний пейзаж ...»), «Третья» («Меня, как реку ...»), «Четвёртая» («Есть три эпохи у воспоминаний ...») [1, с. 328–334]. Ещё два текста («И никакого розового детства ...» и «В том доме было очень страшно жить ...») приводятся в Дополнениях. Запомним эту информацию.

Цикл Дмитрия Быкова «Новые баллады» [2, с. 333–342], на первый взгляд, имеет случайное совпадение с ахматовским циклом: баллады названы «Первая», «Вторая», «Третья»,

«Четвертая». Если уже в первой элегии Ахматова поднимает проблему времени и жизни (начинают стихотворение эпиграфы из Пушкина *Все в жертву памяти твоей* и *Я теперь живу не там...*, а заканчивают слова *Так вот когда мы вздумали родиться. / И безошибочно взглянув на время, / Чтоб ничего не пропустить из зрелищ / Невиданных, простились с небытьем*), то «Первая» баллада Быкова посвящена личному любовному опыту поэта, теме согласия и отказа. Однако образ маяка, который, как жизнь, говорит судам *то «нет» то «да»*, позволяет закончить балладу словами *и важно было второе*. Обратим внимание на то, что последняя словоформа поэтического текста — контекстуальный субстантиват (*второе* здесь «да» — высказанное согласие, возможность, шанс, открывшийся путь).

Эта словоформа связывает конец «Первой» баллады со «Второй», название которой — тот же субстантиват, но застывший в форме женского рода. Тема этого стихотворения — одиночество. Одиночество вдвоем, одиночество понимания и непонимания. Одиночество и непонимание во времени и пространстве: *Вдобавок, пытаюсь задуматься о своём, / Он ощущает себя, как нищий, во всём чужом*. Антонимичная пара субстантиватов *о своём, во (всём) чужом* приоткрывает связь внутреннего (*о своём* задумался лирический герой) и внешнего (здесь — *в чужой* одежде), используя способность слов этого грамматического класса иметь принципиально разные означаемые, называя субстанцию способом характеристики. Ещё одна пара связанных субстантиватов: *вселенная (Вся вселенная дышит такой тоской ...)* и *живое (Всё живое для связи погружено в эфир ...)*. Эти субстантиваты объединены за счёт повторения местоимения *вся / всё* и внутренней формы слова *вселенная*, которое как калька *ойкумены* обозначало лишь заселённую часть пространства.

Обратим внимание на «Четвёртую» балладу. Если «Третья» описывает бессмысленность пуштинского бытия, то в последнем стихотворении цикла возникает тема человеческого достоинства, терпения и его ужаса. Субстантиваты в этом тексте использованы трижды: в третьем стихе первой строфы (*Отними у последних последнее...*), во втором стихе второй (*Не побрезгуй рубищем нищего...*) и во втором стихе третьей (*Все вцепились в своих домашних, волов, ослов...*). В первом случае соположенные однокоренные субстантиваты снова, как в предыдущей элегии, соотносятся с принципиально разным означаемым.

Пристальное внимание к грамматической форме субстантивата, актуализированной в циклах благодаря последовательно представленным названиям, могло показаться искусственным, как и сопоставление циклов Быкова и Ахматовой, если бы не возникающая в последнем тексте Быкова прямая отсылка к стихам и судьбе Ахматовой: *Как писала одна из этого круга ценительниц навших чар, / «Отними и ребёнка, и друга, и таинственный песенный / дар», / Что исполнилось даже полней, чем нужно*.

Выводы. Мы отдаём себе отчёт в том, что предложенная здесь интерпретация внутритекстовых и межтекстовых отношений, как всякая интерпретация, достаточно субъективна, а вот выделение в циклах субстантивированных слов как ключевой грамматической формы, актуализированной за счёт локализации в сильной стиховой позиции названия стихотворения, носит объективный характер. Смысловой и выразительный потенциал этой ключевой формы использован в циклах схожим способом. Выявление грамматических моделей и форм, способных указывать на межтекстовые взаимодействия, давать отсылку к прецедентному тексту — задача, впервые поставленная лишь несколько лет назад. Пути её систематического решения до сих пор чётко не определены. Исследование грамматической прецедентности и интертекстуальности ждёт своего монографического обобщения.

Литература

1. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы / А. А. Ахматова. — Л.: Сов. писатель, 1976. — 560 с.
2. Быков Д. Л. Блаженство / Дмитрий Быков. — М.: Эксмо, 2013. — 352 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М.: Русский язык. Медиа, 2005. — Т. I. — 699, [9] с.
4. Кравцова И. «Северные элегии» Анны Ахматовой (опыт интерпретации целого) [Электронный ресурс] / Ирина Кравцова. — Режим доступа: <http://www.akmatova.org/articles2/kravtsova2.htm>
5. Мных Р. Смех, гротеск и трагическая буффонада в поэтике Анны Ахматовой / Р. Мных // Сквозь литературу : сборник статей к 80-летию Леонида Генриховича Фризмана. — Киев : ИД Дм. Бурого, 2015. — С. 294–316.
6. Рубанов А. Варлам Шаламов как зеркало русского капитализма (*Варлам Тихонович Шаламов*) / Андрей Рубанов // Литературная матрица. Учебник, написанный писателями. XX век : сборник. — 2-е изд. — СПб. : Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2011. — С. 723–740.
7. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы : поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени) : монография / Е. А. Скоробогатова. — Харьков : НТМТ, 2012. — 480 с.

References

1. *Ahmatova A. A.* Stihotvorenija i poemy / A. A. Ahmatova. — L. : Sov. pisatel', 1976. — 560 s.
2. *Bykov D. L.* Blazhenstvo / Dmitrij Bykov. — M.: Eksmo, 2013. — 352 s.
3. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka : v 4 t. / V. I. Dal'. — M.: Russkij jazyk. Media, 2005. — T. I. — 699, [9] s.
4. *Kravcova I.* «Severnye elegii» Anny Ahmatovoj (opyt interpretacii celogo) [Elektronnyj resurs] / Irina Kravcova. — Rezhim dostupa: <http://www.akhmatova.org/articles2/kravtsova2.htm>
5. *Mnyh R.* Smeh, grotesk i tragicheskaja buffonada v poetike Anny Ahmatovoj / R. Mnyh // Skvoz' literaturu : sbornik statej k 80-letiju Leonida Genrihovicha Frizmana. — Kiev : ID Dm. Burago, 2015. — S. 294–316.
6. *Rubanov A.* Varlam Shalamov kak zerkalo russkogo kapitalizma (Varlam Tihonovich Shalamov) / Andrej Rubanov // Literaturnaja matrica. Uchebnik, napisannyj pisateliami. XX vek : sbornik. — 2-e izd. — SPb. : Limbus Press, OOO «Izdatel'stvo K. Tublina», 2011. — S. 723–740.
7. *Skorobogatova E. A.* Grammaticheskie znachenija i poeticheskie smysly : poeticheskij potencial russkoj grammatiki (morfologicheskie kategorii i leksiko-grammaticheskie razriady imeni) : monografija / E. A. Skorobogatova. — Har'kov : NTMT, 2012. — 480 s.

СКОРОБОГАТОВА Олена Олександрівна,

доктор філологічних наук, доцент, професор кафедри славістики Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди; вул. Артема, 29, м. Харків, 61002, Україна; e-mail: skorobogatova.elena@gmail.com ; тел.: +38 050 9027291

ГРАМАТИЧНИЙ МАРКЕР АЛЮЗІЇ (НА МАТЕРІАЛІ ЦИКЛІВ АХМАТОВОЇ «ПІВНІЧНІ ЕЛЕГІЇ» ТА БИКОВА «НОВІ БАЛАДИ»)

Анотація. Мета статті — дослідження граматичної основи алюзії, що поєднує цикл Дмитра Бикова «Нові балади» із циклом Анни Ахматової «Північні елегії». **Об'єкт** дослідження — субстантивати, використані в назвах і в тексті віршів циклів; **предмет** — поетичні значення, що виникли внаслідок формування ключової граматичної форми і вказують на інтертекстуальний зв'язок. Використано методи лінгвопоетичного, функціонально-граматичного й інтерпретаційного аналізу. **Результат** дослідження — виділення ключової морфолого-синтаксичної форми, якою є субстантиват. Описано значення, які набувають субстантивати в поетичному контексті, їх взаємодію всередині тексту і на міжтекстовому просторі одного автора, а також інтертекстуальний потенціал граматично маркованої одиниці, що займає сильну позицію назви вірша. Матеріали роботи можуть бути використані у дослідженні лінгвістичних основ інтертекстуальності, теорії функціональної граматики. **Практичне застосування** результатів дослідження можливе при складанні поетичної граматики російської мови, у практиці викладання лінгвістичного аналізу тексту, у спецкурсах із проблем інтертекстуальності та поетичної граматики.

Ключові слова: субстантиват, інтертекстуальність, поетична граматика, ключова граматична форма.

Olena O. SKOROBOGATOVA,

Grand Ph.D. in Philological Sciences, Associate Professor, Professor of Slavic Studies Department of H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University; Artema Str., 29, Kharkiv, 61002, Ukraine; e-mail: skorobogatova.elena@gmail.com; tel.: +38 (050) 9027291

GRAMMAR MARKER OF ALLUSION (BASED ON THE CYCLES OF POEMS «NORTHERN ELEGIES» BY AKHMATOVA AND «NEW BALLAD» BY BYKOV)

Summary. The purpose of the article is to study the grammatical basis of allusion connecting the cycle of poems «New Ballad» by Dmitriy Bykov with the cycle of poems «Northern Elegies» by Anna Akhmatova. The nominalized adjectives used in the titles of the cycles of poems and in their texts represent the **object** of the study, the poetic implications, resulting from the formation of the key grammatical form and indicating the intertextual connections are the **subject** of the study. **Methods** of linguo-poetical, functional-grammatical and interpretive analysis are used in the research. The accentuation of the key morphological and syntactic form, which is a nominalized adjective, is the **finding** of the research. The meanings that nominalized adjectives obtain in the poetic context, their interaction within the text and in the intertextual space of one author are described, as well as the intertextual potential of grammatically marked unit located in the strong position of the title of a poem. Materials of the research can be used in the studies of linguistic basis of intertextuality and the theory of functional grammar. The **practical value** of the research consists in their possible use whilst compiling a poetic grammar of the Russian language, in teaching practice of linguistic analysis of the text, and special courses in intertextuality and poetic grammar.

Key words: nominalized adjective, intertextuality, poetic grammar, key grammatical form.

Статтю отримано 30.10.2015 р.